

Старик Чжао скончался в собственном доме. С тех пор прошло всего два дня, так что его душа еще не успела покинуть этот мир и отправиться на перерождение.

Обычные люди ничего не замечали, но Чу Вэй прекрасно видел призрака. Правда, столкнувшись нос к носу с такой физиономией, он невольно испытал легкий шок.

Поминальный алтарь в доме обустроить еще не успели. Тело старика Чжао, накрытое белым полотном, лежало прямо в гостиной на деревянном настиле.

Зато его дух уныло маячил у окна. При виде Чу Вэя лицо покойного исказила злобная гримаса: он прекрасно помнил, как этот малец недавно его отделал.

Чу Вэй поманил его пальцем и негромко позвал:

— Выходи. Нам нужно поговорить.

Старик Чжао опешил, а затем до него дошло: юноша обращается именно к нему.

— Ты меня видишь? — недоверчиво прохрипел призрак.

Чу Вэй лишь молча посмотрел ему в глаза. Старику Чжао не потребовалось лишних слов, чтобы понять: парень действительно его видит.

Смерть всегда застает врасплох, а уж смириться с внезапной и загадочной кончиной вроде той, что настигла старика Чжао, и подавно невозможно.

Ему ведь и пятидесяти еще не исполнилось! Он еще не успел вдоволь пожить, нагуляться — с какой стати ему умирать?

Души усопших привязаны к бранным останкам и не могут уходить далеко. Последние двое суток старик Чжао только и делал, что бесцельно слонялся по комнатам. Вокруг суетились родственники, устраивали поминки, но никто не замечал его присутствия. Обнаружив человека, способного его видеть, призрак уцепился за него как за спасительную соломинку. Позабыв про былые обиды и побои, он мгновенно просочился сквозь оконную щель на улицу.

— Ты пришел спасти меня? — взмолился старик Чжао, подлетая ближе. — Ты ведь сможешь вернуть меня в тело? Я не хочу умирать, слышишь, не хочу!

Он попытался схватить Чу Вэя за плечо, но его бесплотные пальцы лишь безвредно рассекли воздух.

— Как ты умер? — прямо спросил Чу Вэй.

При этом вопросе лицо призрака исказилось от злобы, а вокруг него повеяло могильным холодом. Однако рассказывать правду он явно не торопился.

Внимательно изучив его лицо, Чу Вэй неторопливо произнес:

— Судя по твоей физиономии, тебе было предначертано еще как минимум двадцать лет земной жизни. Если мы отыщем того, кто тебя сжил со свету, я, возможно, сумею вернуть твою душу в мир живых.

Призрак встрепенулся, его потускневшие глаза лихорадочно блеснули.

— Правда? Ты не врешь, ты правда можешь вернуть меня?

— Я вижу тебя и разговариваю с тобой, — с напускным безразличием ответил Чу Вэй, напуская на себя загадочный вид. — С чего бы мне не справиться с такой мелочью? Ты мертв всего двое суток. Если вернуть тебя в тело до того, как за тобой явятся Хэй-Бай Учан, стражи преисподней, ты будешь жить.

Соблазн был слишком велик. Земной мир полон удовольствий, и уходить в небытие раньше срока не хотелось никому.

Глаза призрака воровато забежали, и он тут же заверещал, брызжа злобой:

— Да это всё Чжао Кэ, тварь неблагодарная! Я её, сучку, кормил, растил, а она меня со свету сжила! Знал бы, какая гадина вырастет, еще в колыбели своими руками придушил бы!

Чу Вэй лишь презрительно усмехнулся и, не говоря больше ни слова, развернулся, чтобы уйти.

— Постой! — запаниковал призрак, преграждая ему путь. — Ты же не сказал, как мне помочь!

— Ты лжешь мне прямо в глаза, — бросил на ходу Чу Вэй. — И после этого надеешься на спасение?

Поняв, что юноша вот-вот скроется за углом, старик Чжао окончательно струсил:

— Ладно, ладно! Всё скажу! Только не уходи!

Стоя спиной к призраку, Чу Вэй довольно улыбнулся и лишь тогда замер на месте.

Офицер Сунь Цянь служил в управлении общественной безопасности уезда Цин уже три года. Его перевели в эту глушь из огромного мегаполиса, расположенного за тысячи ли отсюда.

Оказаться в глухой провинции после столичной жизни — для любого другого это стало бы ударом по самолюбию и поводом для вечных жалоб.

Но Сунь Цянь отличался от большинства. Несмотря на молодость, он успел заглянуть в глаза смерти: страшная катастрофа унесла жизни всех его близких, оставив его на этом свете в полном одиночестве.

С тех пор сама возможность просто дышать казалась ему благословением. Где именно служить закону и защищать покой простых граждан, для него не имело значения.

К тому же этот тихий уезд с его простыми, бесхитростными обитателями пришелся ему по душе.

Жизнь в уезде Цин текла размеренно и мирно. Обычные будни Сунь Цяня состояли из улаживания соседских свар, поисков пропавших кур да бродячих собак и возни с бумагами в архиве. Никаких серьезных происшествий здесь отродясь не случалось.

Однако за последние пару месяцев на уезд так и посыпались чертовски странные дела.

Сначала была та жуткая, таинственная смерть в горной долине неподалеку от заброшенной деревни. Сунь Цянь тогда лично вел расследование от начала и до конца.

Именно благодаря тому происшествию он впервые узнал о существовании таинственного Особого отдела.

Правда, тогда из-за неопытности и паники он по глупости доверился даосу-мошеннику, позволив обвести себя вокруг пальца, и в итоге знатно опозорился.

Зато потом ему посчастливилось встретить настоящего мастера.

Образ загадочного юноши, прекрасного и отрешенного от мирской суеты, еще долго не выходил у него из головы.

Наученный горьким опытом, в этот раз Сунь Цянь действовал с предельной осторожностью.

— Офицер Сунь, обстоятельства дела в целом ясны, подозреваемая под стражей. Мы можем

наконец возвращаться?

Обратившийся к нему коллега — высокий, худощавый молодой человек с вечно недовольным лицом — выглядел чересчур сурово и напыщенно.

Впрочем, за его напускной строгостью скрывалось банальное раздражение.

Подавив смутные сомнения, Сунь Цянь нацепил дружелюбную улыбку:

— Офицер Цинь, вы у нас специалист по этой части, а мы, простые копы, в подобных материях мало что смыслим. Однако патологоанатом подтвердил, что смерть наступила не из-за инфаркта. Давайте вернемся в участок и послушаем, что скажет девчонка.

Цинь Сяочэн, засунув руки в карманы брюк, высокомерно промолчал. От него так и веяло презрительным безразличием, напрочь отбивавшим желание продолжать разговор.

Сунь Цяню такое отношение претило, но ради сохранения рабочей атмосферы он предпочел спустить все на тормозах.

Цинь Сяочэн тоже был присланным сверху столичным кадром. Разница заключалась в том, что тот числился в штате загадочного Особого отдела. Сунь Цянь понятия не имел, насколько глубок его профессиональный талант, но за прошедшие полмесяца успел составить исчерпывающее мнение о его скверном характере.

Оставив высокомерного коллегу в покое, Сунь Цянь приказал подчиненным выставить одного дежурного для охраны места происшествия, а остальным велел сворачиваться.

Перед уходом он решил еще раз заглянуть в дом и осмотреть покойника.

Старик Чжао лежал с плотно сомкнутыми веками, его лицо приобрело землисто-серый оттенок. По шее мертвеца змеились едва различимые багровые нити капилляров. Незнающий человек ни за что бы не обратил на них внимания, списав на обычные посмертные пятна.

Никакого специального холодильного гроба у бедного деревенского семейства не водилось. За двое суток тело окоченело и начало испускать характерный сладковатый запах разложения, из-за чего даже родные покойного старалисьшний раз не заходить в гостиную.

Размышляя обо всем этом, Сунь Цянь невольно подивился цепи совпадений, приведших к раскрытию дела.

Изначально смерть старика сочли несчастным случаем — мол, сердце прихватило. Разумеется, никто в полицию заявлять не собирався, и оперативная группа сюда не выезжала.

Однако скандальные домочадцы Чжао умудрились превратить поминки в балаган: они голосили на всю улицу, устраивали показушные истерики со слезами и катанием по земле, проклиная всех вокруг. Соседи, устав от диких воплей, вызвали наряд для усмирения нарушителей покоя.

Полицейские ехали улаживать банальную бытовую ссору, но по чистой случайности в дежурную группу затесался Цинь Сяочэн.

Тот безвылазно сидел в уездном отделении больше двух недель, брезгуя рядовой работой, и на этот вызов его отправили чуть ли не пинками. Кто же знал, что именно здесь он наткнется на мистический след?

Осмотрев труп старика Чжао, столичный спецпристав выдал ошеломляющее заключение.

Никакого инфаркта не было — покойного извели черным проклятием, подло и преднамеренно.

Версия повергла местных копов в шок, но спорить никто не решился: Цинь Сяочэн, как ни крути, обладал особыми знаниями и действовал на основании секретных инструкций.

Поскольку преступление квалифицировалось как паранормальное, начальник управления передал дело под личный контроль Цинь Сяочэна, назначив Сунь Цяня в помощники.

Спецпристав не стал тянуть резину: за какие-то полдня он «вычислил» убийцу. По его версии, виновной оказалась родная дочь покойного, Чжао Кэ. Девушку тут же взяли под стражу.

Сунь Цяня не покидало ощущение фальши. Профессиональное чутье так и твердило: хрупкая школьница ни при каких обстоятельствах не могла сотворить подобное.

Увы, дела такого рода не подлежали огласке. Расследование, лишенное всякой научной опоры и логики, велось под грифом секретности, а грядущая зачистка следов обещала немало хлопот. Сунь Цянь редко сталкивался со сверхъестественным, и от одной мысли обо всей этой чертовщине у него раскалывалась голова.

Тем временем оперативники во дворе закончили сборы и грузились в машины.

— Брат Сунь, пора ехать! — окликнул его молодой напарник.

Сунь Цянь отозвался, вышел на крыльцо и направился к служебному внедорожнику. Он уже занес ногу над подножкой, как вдруг замер как вкопанный.

Водитель с любопытством высунулся из окна:

— Брат Сунь, ты чего там увидел?

Не успел парень получить ответ, как Сунь Цянь сорвался с места и пулей помчался к воротам, будто заметил там что-то невероятное.

Офицер действительно узрел невероятного гостя — у забора стоял собственной персоной Чу Вэй.

Тот незабываемый кошмар в проклятой деревне навсегда врезался в память Сунь Цяня. Он воочию наблюдал, как этот юноша, подобно грозному небожителю, сокрушал нечисть. Подобное зрелище не сотрется из памяти и до гробовой доски.

Могущество, способное обратить любое зло в прах одним лишь взмахом руки, внушало священный трепет.

И встретить столь великого мастера в обычном уездном дворике было за гранью всяких ожиданий.

Пока Чу Вэй размышлял, к кому бы обратиться с расспросами, перед ним вихрем вырос запыхавшийся полицейский.

— Мастер Чу! Какими судьбами? — радостно воскликнул Сунь Цянь.

Чу Вэй обладал превосходной памятью и сразу признал в нем офицера, дежурившего тогда у дома дяди Чжана.

Какая удача — нужный человек нашелся сам собой.

Юноша сдержанно кивнул и заговорил без лишних предисловий:

— Чжао Кэ — моя одноклассница. И она никого не убивала.

Сунь Цянь опешил:

— Вы уверены?

— Абсолютно, — ровным, лишенным эмоций голосом ответил Чу Вэй, будто речь шла о какой-то банальности. — Более того, мне известно имя истинного виновника. Я могу осмотреть покойного?

Офицер поспешно закивал. Появление Чу Вэя пришлось как нельзя кстати.

Будем честны, Сунь Цянь с самого начала не доверял столичной ищейке. Цинь Сяочэн мнил себя пупом земли, плевал на местный коллектив и не подчинялся никому, кроме начальника управления. Заносчивый выскочка вызывал у большинства сотрудников глухое раздражение.

Конечно, открытых конфликтов удавалось избегать, но доверия к его методам у провинциальных копов не прибавилось.

Поспешность, с которой Чжао Кэ упекли за решетку, откровенно пугала. Без улик, без показаний свидетелей — лишь на основании туманных умозаключений заезжего хлыща. Сунь Цянь отказывался в это верить.

Приход молодого мастера стал для него глотком свежего воздуха. Сунь Цянь готов был поверить Чу Вэю безоговорочно.

Сунь Цянь повел гостя к дому. Когда они проходили мимо автомобиля Особого отдела, Цинь Сяочэн мельком мазнул по юноше равнодушным взглядом и тут же снова уткнулся в экран смартфона. Появление деревенского мальчишки его нисколько не заинтересовало.

Чу Вэю тоже не было дела до заносчивого госслужащего. Ему требовалось сопоставить факты: если старик Чжао не наврал, следовало раздобыть неопровержимую улику, способную разом закрыть все вопросы.

Однако стоило им подойти к крыльцу, как из пристройки с диким визгом вылетела жена старика Чжао.

— Ты! Это ты тогда избил моего мужа! — заголосила она, тыча пальцем в Чу Вэя. — Господин полицейский, хватайте его! Вот он, душегуб! Смерть нашего хозяина точно на его совести!

Визг безумной бабы переполошил всю округу. Оперативники, уже сидевшие в машинах, пооткрывали дверцы и недоуменно уставились на разыгравшуюся сцену.

Женщина продолжала истошно причитать:

— Ой, несчастный ты мой супруг! Забили до смерти среди бела дня, и ведь никто заступиться не пожелал! Никакого закона нет на этих иродов, никакого правосудия!

Рядом с ней переминался с ноги на ногу ее старший сын, Чжао Тянь — здоровенный, упитанный детина лет двадцати пяти. Услышав причитания матери, он побагровел и схватил её за плечо:

— Мама, ты о чем вообще? Отца кто-то побил? Почему ты молчала?!

— Да вот этот сопляк в школе укрыв твою сестру! — разрыдалась вдова, размазывая слезы по щекам. — Твой отец хотел девушку домой вернуть, а этот мерзавец на него с кулаками набросился! Вся школа видела! Но учителя с директором его выгородили, заявили полиции, будто ничего не было! Нет правды на свете, нет! Извели кормильца!

Верзила Чжао Тянь, с детства привыкший потакать любому своему капризу, мгновенно закипел от ярости.

Забыв, что вокруг стоят вооруженные люди в форме, он с диким ревом замахнулся и ринулся на Чу Вэя, намереваясь размозжить наглецу череп.

— Ах ты тварь! Отца моего избил?! Это ты его сжил со свету, сученыш!

Противники стояли почти вплотную. Чжао Тянь превосходил юношу по комплекции раза в три: при одинаковом росте туша увальня была необъятной — сразу видно, в этой семье его обделять едой не привыкли.

Прямой удар такого тяжеловеса должен был гарантированно уложить хрупкого на вид подростка на лопатки.

Чжао Тянь уже предвкушал треск ломающихся костей. Но стоило его кулаку со свистом рассечь воздух, как стоявшая перед ним цель просто растворилась. Парень не успел даже глазом моргнуть — на месте юноши осталась лишь пустота, без единого намека на смазанный силуэт.

— Мажешь, громила, — раздался спокойный голос из-за его спины.

Зеваки ошарашенно захлопали глазами. Кулак Чжао Тяня летел точно в цель, так каким чудом парень уклонился?

Сунь Цянь понимал, что в схватке с Чу Вэем у этого толстяка нет ни единого шанса, но как представитель закона он был обязан вмешаться.

— А ну прекратить! — рявкнул офицер, хватаясь за кобуру. — Нападение на глазах у полиции? Совсем страх потерял?

Тяжело дыша, Чжао Тянь сжал кулаки так, что побелели костяшки. Его лицо налилось багровой краской. Он злобно зыркнул на офицера и взревел:

— Закон?! Тогда какого хера вы этого ублюдка не пакуете? Привели убийцу прямо к телу моего отца! Вы кого прикрываете, твари легавые?

Физиономия Сунь Цяня потемнела. Ему хватило нескольких часов общения с этой семейкой, чтобы понять: здесь гнезилось редкое отребье, но старший сынок оказался феноменальным кретином.

Полицейский уже набрал воздуха в грудь, чтобы осадить наглеца, но тут Чу Вэй небрежным, почти ленивым движением вытянул руку и толкнул Чжао Тяня в грудь. Юноша едва коснулся верзилы, но двухсоткилограммовая туша отлетела назад, неуклюже перебирая ногами, и чуть не шмякнулась в пыль.

Чу Вэй одарил несостоявшегося бойца глумливым взглядом и тихо, отчетливо произнес:

— Не переживай так. Наше доблестное правосудие никогда не станет покрывать настоящего убийцу.

И, не дожидаясь ответа, зашагал в дом.

Леденящий душу взгляд юноши напрочь вымел из головы Чжао Тяня всю спесь. Уваленъ так и застыл с полукоткрытым ртом.

Сунь Цянь наградил парня свирепым взором и поспешил вслед за Чу Вэем.

Цинь Сяочэн, соизволивший наконец покинуть салон служебного авто, бесшумно скользнул за ними. Его цепкий, недобрый взгляд теперь намертво прикипел к спине странного юноши.

Рядовые оперативники ничего не поняли, но Цинь Сяочэн, два года изучавший древнее искусство Ци, сразу почуял неладное. Движения этого мальчишки не имели ничего общего с человеческой физиологией. Тот определенно был адептом.

Войдя в гостиную, Чу Вэй резким движением сдернул белое полотно с трупа. С кончиков его пальцев сорвался невидимый клинок истинной энергии — одежда на груди мертвеца с тихим треском разошлась, обнажив иссохшую, мертвенно-бледную кожу.

На дряблой груди покойника едва заметно проступали багровые узоры, напоминающие корни гнилого дерева. А чуть выше пупка горела алая точка — яркая, словно свежая капля крови.

На самом деле это была вовсе не родинка, а запекшаяся кровь. Кровь того, кто наложил проклятие.

Стоявший позади Цинь Сяочэн презрительно фыркнул:

— Малец, строишь из себя знатока? Зря стараешься. Я уже проверил эту отметину. Там кровь Чжао Кэ. Без вариантов.

Чу Вэй наконец соизволил поднять голову и окинул визитера неторопливым взглядом.

На его губах заиграла тонкая, едва заметная усмешка. В ладони юноши блеснул тонкий хирургический скальпель. Прежде чем присутствующие успели хотя бы вздохнуть, Чу Вэй молниеносным движением подцепил кончиком лезвия багровую корку.

На тускло поблескивающей стали заалела капля крови, словно испускавшая едва заметное, призрачное свечение.

— Почему бы не провести анализ еще раз? — вкрадчиво предложил Чу Вэй.

Лицо Цинь Сяочэна позеленело от злости. Выходка мальчишки была прямой пощечиной его авторитету, открытым сомнением в его квалификации.

Он лично проводил ритуал опознания крови, и заклятие четко указало на подозреваемую.

Столичный спецпристав свято верил в свою непогрешимость и не собирался терпеть дерзость от какого-то деревенского недоноска.

— Слышь, щегол, — процедил сквозь зубы Цинь Сяочэн, сжимая кулаки. — Не думай, что малолетний возраст спасет тебя от ответственности за клевету и препятствование следствию.

<http://bllate.org/book/19040/1951523>